

ДЕВА. ДРАКОН И ДРУГИЕ ДИКОВИНКИ.

ВИКТОРИЯ
КОШ

12+

Виктория Кош

Дева, Дракон и другие диковинки

«ЛитРес: Самиздат»

2014

Кош В. С.

Дева, Дракон и другие диковинки / В. С. Кош — «ЛитРес: Самиздат», 2014

Здесь девы вступают в сговор с драконами, а колдуны работают в поте лица, чтобы прокормиться. Здесь пиво выступает в цирке, а у деревьев есть моральные принципы. Здесь возможно все. И даже больше.

Содержание

1. «Бизнес»	5
2. «Реформа»	9
3. «Росток зла»	12
4. «Лошадку застраховать не желаете?»	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

1. «Бизнес»

Башня была громадной, из гладкого темно-серого камня, с единственным окошком под самой крышей. Угрюмые горы окружали ее; ни травиночки, ни деревца не росло в тех горах. Ровная площадка у подножья была засыпана золой, то там, то сям валялись обломки щитов и ржавые острия копий. Костей не было, что вселяло в сердце случайного путника еще большую тревогу: *даже костей не было*. Стены башни кое-где оплавились и почернели; в редких солнечных лучах она казалась изъеденной язвами.

Сразу было видно, что место злое, гиблое.

В окошке сидела дева такой потрясающей красоты, что при одном взгляде на нее умолкали отъявленные болтуны и рыдали записные злодеи. Густые ее волосы отливали жемчугом, а лазоревые глаза смотрели строго и печально. Дева вышивала, склонив над пальцами прелестную головку, и не заметила, как на тропе меж скал, что вели к башне, показался принц.

Принц был необычный. Ни тебе лат, шлема, кольчуги какой заваливающей. На ногах башмаки из телячьей кожи, подвязанные лентами, светлые чулки тронуты дорожной пылью. Камзол белоснежный, золотом расшитый, на голове шляпа с пышным пером, в ножнах шпага висит, на эфесе бант в цвет пера прицеплен.

В таком виде жениться, а не на драконов охотиться.

Ехал принц не спеша, коня не гнал. Головой по сторонам вертел, но без должной опаски. Увидев деву, оживился, привстал в стременах, хлыстом коня стегнул. Но конь и ухом не повел, словно был не рыцарским скакуном, а распоследней клячей с деревенского базара. Принц не переживал. Сложил ладони рупором, крикнул:

– Эй, красотка, дракон где?

Дева отложила рукоделие и смахнула что-то со щеки. Должно быть, слезинку.

Ступить на усыпанную золой площадку конь отказался. Всхрапывал, перебирал ногами, упирался. Пришлось принцу и дальше разговаривать с красавицей на расстоянии.

– Гдеее дракооон?

Дева развела руками.

– Глухая что ли, – ругнулся принц вполголоса. – Этого еще не хватало. Не хочу тут целый день торчать.

– Не придется, – отозвалась ближайшая скала приятным голосом.

Принц вздрогнул, коня повело в сторону. Дракон был рядом. Большой серо-коричневый валун у передних копыт коня оказался его головой, а гора, вроде бы ничем не отличающаяся от других, – телом.

– Д-добрый день, – сказал принц, приподняв шляпу.

– Здравствуйте, – вежливо ответил дракон. – Вы меня искали?

Он поднялся и, аккуратно переставляя мощные когтистые лапы, вышел на площадку. Чей-то погнутый щит хрупнул под его весом. Принц нервно облилиз губы.

Дракон был невелик, всего-то в два принцевых роста, если на коне, но грозен и ловок. Двигался он с удивительным проворством. Не успел принц и рот раскрыть, как дракон занял подле башни оборонительную позицию: растопырил крылья, поднял голову, хвостом взметнул золу в воздух. Дева в окошке прикрыла личико нежными ручками.

Принц смутился. Положение усложнялось.

– Боюсь, вы неправильно меня поняли.

Дракон склонил голову набок.

– Почему неправильно? Вы явились спасти прекрасную деву.

Из окошка донесся горестный вздох.

– Что вы, – рассмеялся принц, чувствуя, что обретает контроль над ситуацией. – Разве я для драки одет?

Дракон призадумался. Принц неторопливо спешил и отвесил дракону поклон по всем дворцовым правилам. Въедливый папенька был бы доволен.

– О, благородный дракон... простите, не знаю вашего имени...

– Цельфий. – Дракон обвил хвостом лапы словно домашний кот и приготовился слушать.

– О, благородный Цельфий, я, принц Астурглас из Трех Королевств, разыскивал вас вовсе не для того, чтобы нелепым криком вызвать на поединок ради незнакомой, хоть и прекрасной дамы.

– Но все принцы так делают, – озадаченно пробормотал дракон.

– И очень глупо, – усмехнулся принц. – Ведь исход поединка известен заранее.

– Но-но. – Дракон напрягся. – У нас все честно, никаких подтасовок. Каждый раз жизнью рискую.

Принц поклонился снова, запачкав перо в золе.

– Не хотел вас обидеть. Я имел в виду, что слабому человеку не сравниться с вами в мощи.

– А, тогда понятно, – согласился дракон. – Это да.

– Поэтому я пустился в дальний путь исключительно ради того, чтобы познакомиться с вами и... – Принц замолчал, подыскивая подходящее слово.

– Уговорить меня отдать вам деву, – подсказал дракон. – Был здесь уже один такой. Оратором назвался. Где-то шлем его валяется.

Принц поморщился.

– Далась вам эта дева. Мне вот она не нужна.

Сверху послышался всхлип. Принц поднял глаза на окошко и поманил дракона.

– Я к вам с деловым предложением. Давайте отойдем немного, поговорим без свидетелей.

Заинтригованный дракон послушно затопал по тропинке за принцем.

– У меня к вам серьезное предложение, Цельфий. Сколько можно сидеть в горах, сторожа плаксивую девицу? С вашими то возможностями...

– Работа такая, – вздохнул дракон.

– Как насчет того, чтобы терроризировать целые королевства? Разорять города? Разрушать дворцы? Держать народы в страхе? Собрать богатую дань?

– Звучит заманчиво, – признал дракон.

– Значит, мое предложение вам понравится. Давайте объединимся и станем живым кошмаром Трех Королевств. За мной выбор целей и планирование операций, за вами – стремительный натиск и грубая сила. Знаете, какие сокровища накопим? Через год будем богаче, чем подгорные гоблины.

Дракон молчал, и принц насторожился.

– Только учтите, многоуважаемый Цельфий, без меня у вас ничего не выйдет. Стандартным драконьим террором много не заработаешь, а я могу проложить вам путь к настоящему богатству. Все Три Королевства будут на нас работать...

Принц устремил мечтательный взор в сизые небеса.

– Разве король Трех Королевств не ваш батюшка? – спросил дракон.

– Мой. И знал бы ты, друг Цельфий, какой мизер он выделяет мне на карманные расходы... – В порыве чувств принц потрепал дракона по жесткой лапе.

– Но ведь кровь родная...

– Причем тут кровь? – удивился принц. – Это же бизнес. Ну что, договор...

Закончить принц не успел. Дракон дохнул пламенем, и кучка золы посыпалась на траву. Ни шпаги от принца не осталось, ни бантика.

– Бизнесмен, – бросил дракон с презрением и пошел обратно, на сторожевой пост.

Поздно вечером в темную пещеру дракона заглянула прекрасная дева. В руках у нее была гроздь увядшего винограда и сума, набитая свитками.

– Цельфи, – позвала она, – ты спишь?

Дракон буркнул что-то из дальнего угла, дыхнул и зажег в центре пещеры приветливый костерок. В пещере было уютно – сухо и чисто. Над костерком был заботливо прилажен вертел, рядом лежала освеженная тушка небольшого животного. Несколько гладких плоских камней служили столом и стульями, и дева немедленно положила на один свою ношу и села на другой.

– Вот, прислали со свитком, – сказала она, показывая на виноград. – Будешь?

Дракон одобрительно хрюкнул, вытянул шею и взял острыми зубами гроздь.

– Кушай, кушай. – Дева похлопала его по чешуйчатой морде. – Сегодня был тяжелый день.

Она принялась выкладывать свитки из сумы, дракон вернулся к тушке и, подхватив ее хвостом, стал привычно и споро насаживать на вертел.

– Что он хотел то от тебя, этот живчик с бантами?

– Предлагал вместе грабить Три Королевства. Даже папашу короля не пожалел.

– Мерзость какая, – поежилась дева, выуживая из сумы очередной свиток.

– Точно, – кивнул дракон. Он ухватился кончиком хвоста за вертел и стал медленно крутить его.

– Сам бы пожарил быстрее, – рассеянно заметила дева, читая свиток. – Есть хочется.

– Так равномернее и вкуснее, – не согласился дракон. – Я разбираюсь...

– Слушай, Астурглас, принц Трех Королевств, был сегодня? – перебила его дева, не отрывая глаз от свитка.

– А я о ком толкую, – обиделся дракон. – Опять не слушаешь.

– Я делом занята. – Дева надорвала свиток и отложила его в сторонку. – Отлично, этот заказ выполнен. Осталось что-нибудь для подтверждения, чтобы королю передать?

– Конь, – сказал дракон. – В горы убежал. Может, домой вернется.

Дева нахмурилась.

– А, может, и не вернется. Неужели ни одного бантика не осталось?

– Какое там. – Дракон потыкал жаркое когтем. – Слишком близко стоял.

– Прискорбно. Король может заартачиться и не заплатить.

– Я ему не заплачу! – вскинулся дракон. – Мы его от такого мерзавца избавили, а он...

– Ладно-ладно, не горячись. – Дева пересчитала свитки. – Итого, три заказа на мой портрет за сегодня. Неплохо. Гентурийский князь жаждет подсунуть его племяннику, правитель Сигмеона – сыновьям от нелюбимой жены, а наследник сентихветской короны планирует отправить к нам вдовешего отца. Устал ждать престола. И откуда только они все о нас узнают.

– Слухами земля полнится, – заметил дракон. – Мясо готово, кстати.

После плотного ужина дракон и дева принялись за работу. Дракон взял хвостом кисть, дева расстелила на полу пещеры первый холст и села поближе к костру в привычную позу несчастной пленницы. Дракон рисовал быстро, лишь изредка бросая взгляд на модель. Чувствовалось, что дело для него привычное, и дева на холсте выходила ничуть не хуже живой.

Вскоре три портрета были закончены. Дева скатала их в тугие трубки, обвязала ленточками.

– Завтра курьера из деревни вызову. Вроде шорник на ярмарку к гентурийцам собирается.

– Глупости какие, на курьера тратиться, – проворчал дракон. – Сам слетаю.

Он подхватил лапой портреты.

– Заодно в Три Королевства загляну за платой. Сколько с короля причитается?

– Пять мешков золота.

- За такого гада можно было бы и десять попросить.
 - Договаривались на пять, – с укоризной произнесла дева. – Слово надо держать. Бизнес есть бизнес.
 - Знаю, – ворчливо отозвался дракон и вылетел из пещеры.
- Дева долго стояла у входа, махая ему вслед вышитым платочком.

2. «Реформа»

По ухабистой пыльной дороге тащилась телега, крытая грубой рогожей. На телеге развалился юркий паренек с соломой в спутанных волосах. В одной руке он держал кнут, которым время от времени угощал пегую лошаденку, в другой – ржаную ковригу, которой угощался сам. Больше на дороге не было ни души.

Дело шло к вечеру. Солнце уже зацепилось нижним краем за сентихветские горы, а стебли лугавки, что в изобилии росли по краям дороги, налились предзакатной чернотой.

Когда в небе над трехгорным пиком появилась точка, паренек как раз куснул ковригу и занес кнут над лошадью. Да так и замер с открытым ртом и поднятой рукой. Точка быстро приближалась. У нее была чешуя грязно-серого цвета с коричневыми вкраплениями, широкие перепончатые крылья, длинный хвост и треугольная морда с клыками наружу. Точка оказалась драконом.

– Вот ведь зараза, – вздохнул парень и, запустив руку под рогожу, спрятал ковригу. – Надо было ему именно сегодня. Сvezло тебе, Дзуруб, так сvezло...

Дракон сел мягко, лишь пыль закружилась вокруг телеги. Паренек бухнулся на землю и зачистил:

– Прости, благородный, но ничего у меня нету, хоть и с ярмарки еду, ни единого золотого, только хлеба немного и крынка молока, и больше ничего...

Дракон подался назад. Паренек поднял голову, глянул в настороженные черные драконьи глаза, пустил слезу.

– Чем хочешь поклянись. Все, что наторговал за папашины горшки, королевские стражи отобрали, черти лесопятые.

– Это еще почему? – поинтересовался дракон.

Паренек почесал вихрастую голову.

– Если б знать. Вроде как у всех золото отбирают, но не для наживы, а потому что король велел. Для его наживы, значит. Будут рех... рех... – Парень запнулся, припоминая диковинное слово. – Рехформу проводить!

– Что творится, – вздохнул дракон. – Но я, собственно, только дорогу хотел уточнить. Мне до королевского замка здесь лететь или правее взять? Давно не был в ваших краях.

Паренек сразу повеселел, на ноги поднялся.

– Дорогу это можно. Прямо тут и летите. – Он махнул рукой на пыльный тракт. – Городские ворота вон за тем холмом, а замок у главной площади. Не промахнетесь.

– Спасибо, – кивнул дракон. – Удачного вам пути.

– Какая уж тут удача, когда... – начал паренек, но дракон не слушал. Он расправил изящно сложенные крылья, изогнул шею и почти бесшумно поднялся в воздух. Паренек от потрясения снова на землю шлепнулся.

До городских ворот дракон добрался быстро, но с визитом не торопился. Устроился у подножья холма так, чтобы его нельзя было разглядеть с крепостной стены, и с нетерпением поглядывал на светило, которое прятало свои последние лучи за сентихветские горы.

Когда вечерний сумрак утвердился прочно, дракон полетел в город. Он пролетел над дремлющими стражниками в латах, над большой торговой площадью, удивился гигантскому уродливому сооружению, закутанному в мешковину, облизнулся на соблазнительный запах из харчевенных рядов и, без труда миновав стрельчатую ограду королевского замка, опустился на зеленый лужок перед королевской опочивальней. Никто в столице и не почуял, что за гость к ним пожаловал.

Дракон осторожно просунул морду между шелковыми балконными занавесками. Король в парчовом шлафроке и ночном колпаке с кисточкой стоял перед зеркалом в тусклой бронзовой оправе. Кровать на резных ножках под балдахином была разобрана, полог приглашающе откинут. Дракон даже позавидовал королю немного. Его то ждала обратная дорога с тяжелой ношей, а не мягкая перина.

Король между тем выставил вперед ногу, подтянул живот, задрал подбородок и проговорил утробным голосом:

– Да здравствует великий король реформатор... Нет, не так. – Он подбоченился и взял ноту повыше. – Да здравствуете...

Но тут он разглядел в зеркале отражение любопытной драконьей морды и пустил петуха. Дракон смутился и на секунду спрятал рыло в воздушных занавесках.

– Простите, ваше величество...

– А, Цельфий, это ты. – Король с облегчением вздохнул. – Пугаешь короля.

Он поплотнее запахнул полы шлафрока и подошел к балкону.

– Поздновато что-то ты. Король уже почивать собрался.

– Специально темноты дожидался, чтобы народ попусту не пугать, – немного обиделся дракон.

– А что народ? Подумаешь, народ. Ему полезно попугаться немного. Совсем распустились в последнее время.

Король потер переносицу, размышляя о своем, сокровенном. Дракон деликатно кашлянул. Король встрепенулся.

– Так зачем пожаловал в наши края?

– Дело сделано, – сказал дракон со значением.

– Да-да, – рассеянно кивнул король. – Намедни Могучий прискакал.

– Могучий? – не понял дракон.

– Конь. Дорогущий. Три меры золота гентурийцам за него отвесил. Хорошо, что вернулся.

Дракон склонил голову, отдавая дань отцовским чувствам.

Король вздыхал, дракон молчал. Пауза неприлично затягивалась.

– Ты, наверное, насчет гонорара узнать хочешь, – наконец сказал король.

– Не узнать, – возразил дракон. – Получить.

– С получением проблемы. Нету больше золота в Трех Королевствах. Нету.

Последнее «нету» король произнес с особым удовольствием, склонив голову набок и прищелкнув языком.

– Как это нету? – Из ноздрей дракона вырвался дымок.

Король поспешно отступил на пару шагов.

– Ты только не нервничай. Я сейчас все объясню. – На всякий случай король отошел еще дальше. – Реформа у нас в стране. Золото из оборота изымается и заменяется натуральным обменом.

Дракон плюхнулся задом на лужайку. Стены дворца ощутимо вздрогнули.

– Чего?

– Вот допустим, тебе нужна овца, а мне яблоки, – с удовольствием начал объяснять король. – У меня есть овца, а у тебя яблоки. Я даю тебе овцу, а ты мне...

– Понял я. – Дракон нетерпеливо махнул лапой и зацепил занавеску, которая с хрустом и треском рухнула к ногам короля вместе с карнизом. – Вы лучше насчет золота проясните, ваше величество.

– Ах, золото. – Взгляд короля затуманился. – Корень зла. Средоточие порока. Войны, ненависть, разбитые сердца, дети-сироты. Я вот сына единственного из-за золота лишился...

– Вы же его сами, – напомнил дракон.

– Сам. А почему? – Король воздел к лепному потолку указательный палец. – Потому что жаден был сверх меры наследничек. На карманные расходы ему, видите ли, мало давали. Заговор затевал против родного отца, на королевскую сокровищницу целился. Пришлось принять меры. Если б не золото проклятое, мальчик бы не испортился.

– По-моему, тут причина глубже, – заметил дракон. – Воспитание подрастающего поколения...

– Я точно знаю, – перебил король. – Золото во всем виновато. И потому золота в моем королевстве больше нет.

– Куда ж оно делось?

– По моему приказу собрано стражами. Сегодня последнюю монетку добыли.

– Слышал, – кивнул дракон.

– И отдано мастерам, которые из этого золота отливают сейчас на главной площади памятник сыну моему, принцу Астургласу, погибшему в лапах дракона. Жуткая история, друг Цельфий... Ах да, ты в курсе. Вот такие у нас дела.

– А как же мои пять мешков? – спросил дракон.

Король посмотрел на него с укоризной.

– Я тебе о чем битый час толкую? Нет золота. Ни грамулечки. Теперь в Трех Королевствах жизнь спокойная, счастливая, пороком не замутненная. И все благодаря мне.

Король напыжился было, но под пристальным взглядом дракона бодрость подрастерял.

– Только не ешь меня, Цельфий, – жалобно попросил он, – давай я чем-нибудь другим расплачусь. Хочешь стадо овец?

Дракон подумал немного, не сводя глаз с дрожащего короля, и попятился назад. Король, не скрывая облегчения, вышел следом на балкон.

– Овцы нам без надобности, – с достоинством сказал дракон, расправляя крылья. – И яблоки, между прочим, тоже.

До главной площади, где шла работа над памятником принцу, было раз крылом махнуть. Дракон затаился за ратушей, подождал, пока последний человек уйдет с площади, и сдернул мешковину с незаконченной статуи. Блеск золота разлился по площади. Памятник принцу был практически готов – не хватало лишь шпаги с бантом и шляпы. Дракон постучал когтем по литому плечу. Плечико отозвалось приятным гулом. Принц оказался не пустым, как при жизни, а из цельного золота, что не могло не радовать.

Дракон оценивающе пригляделся к Астургласу. Лишнего ему не нужно, но и свое он не оставит. Головы как раз должно хватить... Дракон открыл пасть и аккуратно, чтобы сильно не кромсать и не шуметь, откусил золотому принцу голову. Потом положил ее на землю, обхватил передними лапами и взлетел.

Неприятность обнаружилась утром, когда дракон по указаниям девы выкатил голову на площадку перед пещерой. Лик принца по-прежнему отливал красотой благородного металла, но срез шеи был отвратительно черным. Дева потеряла его лилейным пальчиком.

– Железо.

– Вот негодяи, – огорчился дракон. – Короля обманывают. А он ведь из добрых побуждений...

– Людская натура, – вздохнула дева. – Ладно, запишем в убыток.

– Зря только тащил. – Дракон в чувствах пихнул голову хвостом.

– Ничего. – Дева погладила его по морде. – Поставим в пещере. Какое-никакое, а украшение.

3. «Росток зла»

На границе Гентурии с Ахартом леса дикие, но такой, как Заповедный Лес, еще поискать придется. Не лес – трущобы непролазные, где ни зверю, ни птице, ни какому другому существу жизни нет. Сплетаются на земле корни бугристые, ветви угрюмо нависают, листва шепчет недоброе. Мрак, да и только. Ни одна дорога не вела в Заповедный Лес, никакой хозяйственной надобности никому в нем не было. Все же находились тропки, малозаметные, тайные, опасные, и о тех тропках шепоток шел даже за пределами Гентурии. В Заповедном Лесу жил колдун. Не из тех, что по ярмаркам веселят детишек, да выманивают у подгулявших ротозеев последний грош, а настоящий колдун, потомственный. Фигура значительная.

Ясным утром к одной потаенной тропке, ведущей напрямиком в сердце Заповедного Леса, подошла девушка. Самая обычная девушка, не красавица, хотя если б красавица, то куда как внушительнее получилось бы. Но девушка была обыкновенная. Нос курносый и чуть набок, глазки маленькие, не впечатляющие, да и одета просто – служанка чья или работница, и все тут. Тайную тропку нашла не без труда, помедлила немного перед тем, как шагнуть на нее, оглянулась с отчаянием – не покажется ли рыцарь-избавитель, не отговорит ли от глупости несусветной...

Не показался.

Скукожив носик, и без того кривоватый, ринулась девушка в самую чашу. Шла она не долго и не коротко, а ровно столько, сколько нужно. По дороге и взвизгивала, и вздрагивала, и охала, и ойкала – пугалась, как полагается. Будь она редкостной красавицей, можно было бы на этом подробнее остановиться, но, честное слово, сейчас не стоило. Ну взмахнула реденькими ресничками, ну шмыгнула носиком кривым, ну руками, не по-девичьи крупными, всплеснула. Посмотреть не на что. Так шла, шла и дошла до Сумрачной Поляны. Именно так, до *Сумрачной*, с заглавной, с придыханием, уважением и в страхе душевном.

На Сумрачной Поляне стоял дом колдуна. Не дом, а дерево, не дерево, а пень, не простой пень, а до того громадный, что сравнялся в лесу с самыми высокими деревьями. То были могучие останки велгрийского дерева, чье имя одно было под запретом во всех Трех Королевствах. Думать о нем и то было страшно до жути, а уж чтобы в его корнях селиться, такое никому и в голову не приходило. Колдун Заповедного Леса взял и поселился, и тем окончательно отрезал себя от рода людского и, надо сказать, обеспечил беспрецедентный приток клиентуры.

У дерева несимпатичная девушка остановилась и даже похорошела, потому как большие глаза девушку всегда красят, и неважно, отчего они большими сделались, от радости или со страху. Но стояла она недолго. То ли вспомнила, что привело ее к колдуну из самого Ахарта, то ли сила колдовская проявилась, но подошла девушка к гигантскому пню вплотную, да и пропала, словно растворилась в нем.

Внутри пня было темно и душно. Девушка чихнула, от неожиданности, должно быть, а, может, что-то в нос попало, и вдруг мелькнул рядом всполох зеленых искр, и огонь загорелся чудной, разноцветный. Стало видно, что места под корнями много, и потолок над головой полукруглый, словно кто-то взял гигантскую деревянную чашу, да и перевернул ее. Где здесь вход и, главное, отсюда выход, понять было невозможно. Повсюду, куда ни глянь, было переплетение корней, весьма зловещее на вид. Девушка пискнула неразборчиво.

– Только не надо кричать, – прошелестело что-то у ее уха. – Он этого не любит.

Девушка пошатнулась, за стенку схватилась, рот открыла – но не издала ни звука.

– Зачем пожаловала? – спросила стена громовым голосом, и перед девушкой (откуда только взялся) появился колдун Заповедного Леса.

Девушка бессильным кулем осела на землю.

Колдун Заповедного Леса был высок и очень худ. Как угли горели его глаза под черными бровями, а от длинного просторного одеяния его исходило слабое зеленоватое мерцание. Девушка завывала было, но вовремя опомнилась и засунула кулак себе в рот.

– Зачем пришла? – прогремел колдун. – Или передумала уже?

От такого голоса немудрено было и передумать. Девушка носик сморщила, губки скривила, плакать собралась, отчего подурнела еще сильнее, но плакать не стала.

– Он меня не любит, – пробормотала. – Я хочу, чтобы он умер. Можно это устроить?

– Можно, – согласился колдун. – Но зачем так резко, а?

– Он говорит, я некрасивая, – насупилась девушка. – И он никогда меня не полюбит.

– Приворотное зелье пробовали? – осведомился колдун.

– Убить гада мало, – отрезала девушка. – Он над моим носом смеялся.

– Ну и что? – изумился колдун. – Зачем сразу убивать?

– Хочу отомстить. Пусть мучается!

– Есть и другие способы, – сказал колдун. – Зелье Моментальной Красоты, например. Или Корректирующая Нос Настойка на болотных травах, тоже хорошая вещь. Эффект стойкий, побочных явлений не наблюдается.

– И что? – поразилась девушка. – Я стану красивой?

– Такой красивой, что он влюбится, женится, всю жизнь будет носить на руках. Отличная месть, между прочим. Дольше промучается по сравнению с ядом.

Девушка призадумалась.

– Глаза мне тоже можно большие сделать? Чтобы формы продолговатой, как миндаль?

– Хоть как фасоль, – пожал плечами колдун. – Идеальный результат на всю жизнь.

– Я не знала, что так можно. Если б знала, сразу бы попросила. У нас все в основном к вам за отравой ходят. Говорят, быстро, надежно, безопасно.

– Вчерашний день, – твердо сказал колдун, – ну что такое отравы? Рецепт примитивная, веками известная, никакого творчества и полета фантазии. То ли дело бальзам для глаз в форме фасоли.

– Миндаля, – поправила девушка.

– Неважно. Вот где настоящая магия. Вызов для художника. Вот где простор и перспектива. Да знаете что? – оживился вдруг колдун. – Я вам за такой заказ скидку сделаю. В два раза меньше против обычной цены. В рекламных целях.

На том и порешили. Сговорились о переделках (всего вышло двадцать семь) и о сроках (девушка вытребовала не позднее, чем через неделю).

Выйдя на свет после мрачного колдовского жилища, она вздохнула с облегчением и потрусилась обратно по тропинке, не подозревая, что сквозь зловещее переплетение корней зловещего велгрийского дерева следят за ней чьи-то зловещие глаза.

Оставшись в одиночестве, колдун вздохнул с не меньшим облегчением. Он поубавил в огне зеленых искорок (всего то понадобилось прикрыть скрытую между корней трубочку), вытащил невесть откуда дряхлое кресло и уселся в него как самый обычный ахартский труженик после долгого рабочего дня в поле.

– Нитачох!!! – вдруг заорали за спиной, и колдун, вздрогнув всем телом, вскочил на ноги.

За креслом, едва доставая макушкой до спинки, стоял преуморительнейший старичок – кругленький, румяный, с ровными седыми кудряшками и упитанными щечками. Красный бархатный жилет с трудом сходил на его животе; брюки, свисающие мягкими складками, были заправлены в домашние туфли с пушистыми помпончиками.

– Ты хоть понимаешь, что ты натворил?

Старичок наступал на колдуна, потрясая крошечными кулачками. Колдун съежился, отступил на шаг, значительно растеряв свою грозную величавость.

– Двадцать лет каторжной работы и все дракону под хвост из-за твоей дурьей башки!

– Но папа... – промямлил колдун, – хорошо же получилось. Я сделал все, как надо. Теперь слух пойдет по всем королевствам. От клиентов отбоя не будет.

– Болван! – завизжал старичок. – В том то все и дело! Что ты предложишь этим клиентам? Они все теперь захотят настойку для расширения глаз и примочки для уничтожения прыщей! Где мы их возьмем?

– Сделаем, – мрачно ответил колдун. – Сколько можно одну отраву варить? Пора что-нибудь поинтереснее сотворить.

– Поинтереснее? – Старичок затопал от гнева. – Как ты это варить собрался? Рецепты давно утеряны, ингредиентов днем с огнем не сыщешь, хлопот с этими зельями не оберешься!

– Как-нибудь сварим, – буркнул колдун. – Тут главное начать. Мы же на месте топчемся, папа. Сколько можно людей просто травить...

– Вон ты как заговорил... – Старичок прижал ручки к груди. – Отрава ему не хороша стала. Триста лет она нашу семью кормит. И прадеда, и деда, и отца, и меня, да и тебя, олуха, в люди вывела. Человека то изничтожить проще некуда. Два заклинания, три снадобья, и гребни себе золото, запасай на безбедную старость. Народ валом валит, благодарят и еще приходят. Чего тебе надобно, горе ты мое?

– Разве это колдовство, два заклинания и три снадобья? – сумрачно отозвался колдун.

Он уселся на полу, поближе к огню, и искоса поглядывал на старичка.

– Я другого хочу. Истинной магии. Власти над предметами и душами. Хочу проникнуть в древние секреты и подчинить их себе. Вот раньше то, – тут голос колдуна дрогнул, стал нежно-мечтательным, – раньше все не так было. Не волшебники были – гиганты. Что творили. А мы сейчас...

Он горестно вздохнул. Старичок выпятил грудь и взъерепенился.

– Что мы сейчас? Живем как умеем, колдуем, как можем. Ты и так не умеешь. Я тебе что сказал сварить для госпожи Гортензии? Раствор бесцветный и бесвкусный, в три дня безболезненно умерщвляющий. А ты что сделал?

Колдун буркнул нечто неопределенное.

– Вот именно, – довольно кивнул старичок. – Не в три дня зелье подействовало, а в пять, несло чесноком, на вкус было как тухлое мясо, и супруг госпожи Гортензии не умертвился, а оплешивел только во всех местах. Пришлось доплачивать, чтобы его в подворотне зарубили, а то неудобно получалось.

– Я хотел восстановить в ней былое влечение к мужу, – мрачно проговорил колдун.

Старичок хихикнул.

– Вот и восстановил, горюшко мое, а все почему? Потому что ты к нашей колдовской деятельности совершенно неспособен. Моя бы воля, я бы давно тебя в Ахарт отправил, пшеницу сеять или горшки лепить. Но не могу. Куда я с такой наружностью? Вот и терплю тебя, бездаря.

Старичок вздохнул, и слезка скатилась по его румяной щеке.

– Так что не забывай, Нитачох, не колдун ты, а видимость одна. Личина устрашающая и в трепет приводящая, но ничего больше. Нечего тебе заноситься и в секреты древних магов лезть. Ты с нашими, фамильными тайнами совладать не можешь, куда тебе в настоящие волшебники...

Старичок залез в кресло, уютно закинул ногу на ногу.

– Хватит уже о глупостях. К вчерашнему заказу на рвотные булочки еще не приступали. Принеси ка мне...

– Я все равно стану настоящим магом, – буркнул колдун, поднимаясь.

- Еще ступку номер восемь и стекла зеленые, круглые...
- У меня отросток велгрийского дерева есть.

В пещере вдруг стало тихо. Даже огонь потрескивать перестал, словно тоже прислушивался.

- Что у тебя есть? – мирно переспросил старичок.
- Отросток велгрийского дерева. Я его сам нашел и пересадил.
- Ты что такое говоришь? – Старичок явственно заволновался, даже с кресла сполз. –

Последнее велгрийское дерево сожгли торжественно сто пятьдесят лет назад, с тех пор ни листика, ни семечка не было нигде в мире, а ты говоришь, у тебя есть росток!

- Я его у пруда нашел, – сказал колдун. – Там вода стоячая, с пиявками, вот он и пророс.

– Совсем из ума выжил, – рассердился старичок. – Это же велгрийское дерево. Зло в чистом виде. Воплощение самых страшных человеческих кошмаров. С помощью велгрийского дерева можно творить самую жуткую магию, без ограничений. А ты говоришь, у пруда. С пиявками.

- Там питательных веществ много, вот он и пророс, – упорствовал колдун.

– У всех чародеев древности были велгрийские деревья, поэтому никто не мог с ними совладать, – продолжал волноваться старичок. – Но сила их зла была слишком велика, и было решено уничтожить все деревья. Без остатка и жалости! И ты после этого утверждаешь, что у тебя есть велгрийское дерево?

- Не дерево. Росток.

– Неважно! – взревел старичок, брызгая слюной. – Ты, колдун-неумеха, позор заслуженной трудовой династии, и вдруг нечаянно натолкнулся на велгрийское дерево?

- Росток, – упрямо повторил колдун. – Он еще совсем маленький.

Старичок забегал по пещере.

– Поверить не могу, что ты... олух... бездарь... недоумок, который только для вывески и годится... именно ты нашел росток велгрийского дерева! Это же смехота!

- Нет такого слова, – обиженно сказал колдун. – А росток есть.

– Велгрийское дерево? Дарующее беспредельное могущество? Владующее сокровеннейшими секретами магии? – Старичок хихикнул и вдруг побелел и стал одного цвета со своими кудряшками. – Где оно? Дай мне его! С ним я стану величайшим чародеем королевств. Мое имя заставит трепетать каждого! Я...я... я королем стану, если захочу. Отдай мне его, сынок!

Он рухнул на колени и пополз к колдуну.

- Теперь я уже не бездарь? – сварливо спросил тот.

– Бездарь, – не согласился старичок, но на коленях остался. – Зачем тебе велгрийское дерево? Ты и спрятать его толком не сможешь. Тебя четвертуют, если узнают про него.

- До сих пор хорошо прятал, – надулся колдун.

– Рано или поздно ты все равно ошибешься, – настаивал старичок. – Сам подумай, какой из тебя великий маг. С велгрийским деревом или без него ты даже примитивный эликсир забвения не сваришь. А я смогу сеять хаос и насаждать террор. Я стану настоящим бичом Трех Королевств! Ты не сможешь!

– Я и не собираюсь, – возмутился колдун. – Я хочу творить магию, а не хаос сеять. Настоящую магию. Я уже пробовал делать порошок из листьев, знаешь, неплохо получилось. Вот эти искорки зеленые как раз...

- Что? – взвыл старичок. – Ты разбазариваешь листья велгрийского дерева на искорки?

- Я экспериментирую, – с достоинством сказал колдун. – Листья все время новые растут.

– Отдай мне его, сынок. – Старичок подполз совсем близко и ухватился за полу длинного одеяния колдуна. – Я всегда о тебе заботился. И дальше буду заботиться. Ты со мной останешься, конечно. Внешность я себе сделаю пострашнее, но тебе тоже работенка найдется. Будешь... Будешь моим глашатаем. Или герольдом, чтобы это ни значило. Хочешь?

– Я хочу быть колдуном.

– И будешь, – закивал старичок. – Дерево беспредельное я тебе, конечно, не дам, но дедушкину книгу получишь. Все тебе отдам. Будешь пробовать старинные рецепты. Сколько хочешь.

– Ладно, – неохотно вздохнул колдун. – Наверное, ты прав. Ты больше достоин им владеть.

Он полез за пазуху. Старичок замер.

– Только обращай с ним бережно, хорошо? Он этого заслуживает.

Из-за пазухи колдун вытащил маленький бумажный мешочек и передал его старичку, который дрожащими руками извлек из пакета глиняный горшочек, а в нем... да, никаких сомнений, тот самый, никем сто пятьдесят лет невиданный, с зелеными листочками и коричневыми веточками, росток величайшего зла на земле.

– Сокровище ты мое, – прослезился старичок. – Деточка.

– Здравствуйте, – вежливо отозвался росток. – Я благодарен за добрые слова. Надеюсь, вы не обидитесь, но я бы предпочел, чтобы вы звали меня Чакчей.

Побагровевший старичок осел на пол.

– Он разговаривает!

– Разговаривает, – подтвердил колдун. – Почему бы ему и не поговорить?

– Я никогда не слышал, чтобы велгрийское дерево... – начал старичок. – Впрочем, неважно. Говорит это хорошо. Здорово даже, что говорит.

Он потер руки и захихикал довольно противно.

– Извините, – сказал росток, – но я здесь присутствую, а вы так обо мне говорите...

– Чем он, собственно, говорит? – заинтересовался старичок, наклоняясь к ростку.

– Простите, но мне неприятно такое слышать, – смущенно прошелестело в листиках.

– Извинись перед Чакчей, – посоветовал колдун. – Он не любит, когда о нем говорят как о неодушевленном предмете.

– Хорошо, хорошо, мальчики, как скажете, – засмеялся старичок. – Ты у нас обидчивый, да, кустик?

– Я росток велгрийского дерева, – поправил росток. – Не куста.

– Зануда, – хохотнул старичок. – Но ничего, я потерплю. Мы с тобой таких дел натворим, росточек мой. Мы с тобой весь мир заставим дрожать от ужаса. Мы с тобой... Нитачох. Неси дедушкину книгу. Будем работать.

В мгновение ока старичок преобразился. Лицо сосредоточенное, жесты скупые, приказания краткие. Через минуту он уже листал книгу из замусоленных листов пергамента, а колдун, пытая от напряжения, тащил на середину пещеры громадный, местами тронутый ржавчиной котел. Чакча помалкивал и только листиками шелестел, создавая приятное, хоть и ложное ощущение свежего летнего ветерка.

– С чего бы начать? – бормотал старичок под нос, шурша пергаментом. – Поразить чумой близлежащие деревни или наслать великую водную напасть на Ахарт? Может, низвергнуть с небес огонь на Заповедный лес? Надоел мне, ну его к драконам. Браконьеры только шлятся...

– Если позволите заметить... – деликатно начал Чакча.

– Не позволю! – рявкнул старичок. – Ты меня с мысли сбиваешь.

– Он все равно скажет, – буркнул колдун, разжигая под котлом огонь.

– Может, сразу явиться к королевскому двору и поджарить там всех заживо? – задумчиво пробормотал старичок. – Тут есть одно прелестное заклинание. Эффектно, эффективно и несложно. То, что нужно для начала.

– Исключено, – сказал Чакча, и на этот раз листики его шелестели совсем не приятно. – Пострадают люди. Это не этично.

– Не что? – фыркнул старичок.

– Пожалейте людей. Начать можно с чегонибудь не кровавого. Как вам эссенция всеобщей радости?

– Не глупи, – строго оборвал его старичок. – Радости в мире и так хватает. Чего в мире не хватает, так это взрывов, землетрясений, потопов и всеобщего рабства.

– Но...

– Не спорь со старшими! – перебил старичок. – Я лучше знаю. Твое дело листья давать и злость копить. Внешней политикой буду заниматься я.

– Я только хотел внести пожелание...

– Нитачох! – завопил старичок. – Утихомирь свое растение. Оно мешает мне думать.

С печалью в глазах колдун подобрал валявшийся на полу пакет и натянул его на Чакчу.

– Так то лучше, – одобрительно заметил старичок. – Распустил ты его. Но ничего, я его быстро в порядок приведу. Такое велгрийское дерево из него воспитаю, им детей пугать будут! Что же все-таки выбрать? Начну я, пожалуй, с себя. Как тебе кажется, что лучше для начала? Клыки как у дракона или рост выше деревьев?

Старичок задумчиво поскреб в затылке и перевернул страницу.

– То, что нужно! – обрадовался он. – Зелье драконьего кошмара. И клыки, и рост, и огонь изо рта при необходимости. Неси двести кусков жабьей печени, сынок.

Когда печенька была мокрой неопрятной кучей свалена в углу, а под котлом жизнерадостно потрескивало пламя, старичок протянул властную руку к пакету с Чакчей.

– Листок!

Из пакета вылетел маленький бледно-зеленый листик.

– Нитачох, измельчи и брось в котел, – скомандовал старичок.

– Если вы все-таки позволите мне высказаться, – раздалось из пакета, – я бы посоветовал вам добавить листик в последнюю очередь, и не измельченный, а разорванный на четыре части.

– В рецепте сказано измельчить и бросить в самом начале, – с сомнением проговорил старичок.

– Я вам велгрийское дерево или не велгрийское? – капризно спросили из пакета. – Не хотите, не слушайте. Но мой вариант делает клыки в два раза длиннее, а у пламени появляется нежный фиолетовой оттенок.

– Фиолетовый? – переспросил старичок мечтательно. – Я люблю фиолетовый.

Из пакета кашлянули деликатно и довольюно.

Разорванный на четыре части лист полетел в котел последним.

Через час зелье было готово. Попахивало оно сомнительно, да и выглядело не очень, но старичок принес фамильный половник (золотой и с штампом академии магов), торжественно опустил его в котел и зачерпнул немного тягучей зловонной жидкости. Грязно-серая капля повисла на краю и с отчетливым неприятным плюмс шлепнулась обратно.

– Для нашей семьи начинается новая эра! – воскликнул старичок с чувством. – За это и выпьем.

– Может, не надо, пап? – засомневался колдун, но старичок, не сводя глаз с содержимого фамильного половника, поднес его к губам и залпом выпил.

С минуту ничего не происходило. Старичок уже начал грозно сводить брови, и колдун благоразумно сделал шаг назад, но тут вдруг что-то булькнуло, рыкнуло, глухо ухнуло, старичок схватился за рот, потом за живот, потом триумфально улыбнулся, потом воскликнул:

– Они растут! Я чувствую, они...

А потом рассыпался кучкой пепла.

– Папа! – позвал колдун. – Ты меня слышишь?

Пепел не ответил. Колдун подошел ближе.

– Папа, – прошептал колдун. – Ты где?
– Если ты думаешь, что он восстанет из пепла вроде легендарной птицы, то ты ошибаешься, – раздалось ехидное из пакета.

– Это ты сделал? – растерянно спросил колдун.

– Разве у меня был другой выход?

Пакет дрогнул, полез вверх, упал на пол. Освободившийся Чакча встряхнул листиками.

– Ненавижу пакеты. Обещай, что больше никогда не будешь сажать меня в пакет.

– Я не буду, – вздохнул колдун. – Но вот папа...

Чакча кашлянул.

– Твой папа, к счастью, больше никогда не сможет никого посадить в пакет. А также отравить, испепелить, утопить или уничтожить одним из тысячи способов, описанных в вашей замечательной дедушкиной книге.

Колдун перевел задумчивый взгляд на кучку пепла.

– Ты в этом уверен?

– На сто процентов. Я же велгрийское дерево. Я знаю о магии все.

Пепел решили оставить на месте.

– Будет как будто гробница, – одобрил Чакча, когда колдун вынес его на Сумрачную поляну. Мертвый пенёк велгрийского дерева смотрелся в предзакатных лучах мощно и устрашающе. Колдун впервые попытался представить себе, как выглядело это дерево в дни своего цветения, и с уважением посмотрел на небольшой росток в глиняном горшочке, который держал в руках.

– Что теперь будем делать?

Чакча сладко потянулся всеми листиками.

– Жить и Колдовать. Разве ты не этого всегда хотел? Со мной ты станешь величайшим колдуном нашего мира. Если, конечно, будешь соблюдать мои условия.

– Что еще условия? – насторожился колдун.

Чакча потер листик о листик.

– Понимаешь, у меня есть определенные жизненные принципы, и ты должен их уважать. После долгого и вдумчивого анализа я пришел к выводу, что в этом мире слишком много зла. Я вижу свой долг в том, чтобы воздерживаться от злых мыслей, намерений и действий и по возможности творить добро.

– Ты только что убил моего папу! – воскликнул колдун с негодованием.

– И сделал доброе дело, – радостно согласился Чакча. – Разве нет? Тебе хорошо, мне хорошо, людям хорошо.

– Папе плохо, – напомнил колдун.

– Ему сейчас лучше всех, – отрезал Чакча. – Ни забот, ни хлопот, а нам с тобой, между прочим, еще где-то надо заночевать. Может, пойдём уже, а?

Колдун покорно вздохнул, привычным жестом сунул Чакчу за пазуху и пошел по тропинке прочь от отчего дома. Начиналась новая жизнь, и жалел он лишь о том, что не сообразил поесть поплотнее.

4. «Лошадку застраховать не желаете?»

В конюшне было душно и грязно. Пахло прелой соломой, навозом, конским потом. Стойла были давно не чищены, овес в кормушках кое-где покрылся плесенью. О воде здесь и не слышали. Содержатели конюшен при Гентурийской Приграничной Ярмарке заботились исключительно о наживе и экономили на всем. Все равно дольше одной ночи постояльцы здесь не задерживались: прибывали с хозяевами отовсюду аккуратно накануне ярмарки, проводили в конюшне ночь и на следующий день уходили с молотка в руки новых владельцев.

Ярмарка в конце года обычно не пользовалась популярностью ни у продавцов, ни у покупателей, и потому конюшня была заполнена едва ли на треть. Четверка обычных крестьянских кляч, кобыла с жеребенком явно сентихветского происхождения и, неожиданный и удивительный гость в ярмарочной конюшне, роскошный жеребец белой масти.

Жеребец был исключительно хорош. Шелковая грива водопадом струилась по могучей шее. Упругие мышцы перекачивались под нежной шкурой. Он был не подкован, без седла и поводьев, что наводило на мысль о нелегальных способах его появления на ярмарке. Но Гентурия, особенно приграничная полоса, тем и славилась, что здесь лишних вопросов не задавали. Владельцем коня значился высокий мрачный оборванец в черной накидке, и никто у него не поинтересовался, где он его раздобыл.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.